

Заградительные операции Балтийского флота у Германского побережья в 1914—1915 г.г.

(Окончание).

После описанной выше¹⁾ заградительной операции 14-го (27-го) ноября произошла некоторая передышка, так как наступил период светлых, лунных ночей, лишивших флот возможности действовать скрытно.

Уже упоминалось¹⁾, что при принятом на палубы миноносцев полном числе мин нельзя было действовать ни орудиями, ни минными аппаратами, вследствие чего миноносцы делались совершенно беззащитными при встрече с неприятелем.

Обстановка на Балтийском театре в середине ноября была нижеследующая: у входа в Финский залив днем и ночью находился дозор из миноносцев; в Утэ стояли наготове подводные лодки; линейные корабли находились на внутреннем или наружном рейде Свеаборга и время от времени выходили на маневрирование, на восток от Центральной позиции (Нарген-Порккалауд). В западной части Финского залива передвижение больших судов производилось исключительно в темное время; на день большие корабли заходили в шхеры и там отставались. При разработке планов преследующих заградительных операций Командование флотом имело в виду их не выводить из залива. 9-го (22-го) ноября к ним присоединился «Севастополь»; «Гангут» проходил учебные стрельбы в Кронштадте, вступление его в строй ожидалось в ближайшие дни; «Полтава» и «Петропавловск» заканчивали работы в Кронштадте, срок их готовности ожидался в декабре. Весьма ценные услуги оказывали разведке радиопеленгаторы, которые начали устанавливать по побережью до Либавы включительно; в описываемый период времени станции в Ганге и на Кильконде были готовы, на Цереле, Люзерорте, в Виндаве и Либаве они должны были начать действовать в ближайшее время.

¹⁾ См. Сборник Морискома № 1.
Сб. Морискома № 2.

В ночь на 13-е (26-е) ноября радио-пеленгаторы показали вероятное присутствие неприятельских¹⁾ судов в южном проходе устья Финского залива. Можно было предположить, что они ставят минное заграждение. Поступили сведения, что неприятель обнаружил некоторые из наших заграждений на запад от Мемеля и что началось их вытравливание. Тогда же вернулась из Данцигской бухты подводная лодка «Акула», которая донесла, что военных судов там не встречала и лишь атаковала портовый пароход, но мина прошла у него под носом. «Акула» была послана в Данцигскую бухту для того чтобы обнаружить себя и тем заставить германские корабли оставаться в своих портах, дабы они не могли помешать выполнению заградительных операций 6-го (19-го) и 7-го (20-го) ноября. Что подлодка была обнаружена, указывает ряд тревожных телеграмм²⁾. В тот же день неприятелем были повреждены два кабеля Либава—Дания, приблизительно в середине Балтийского моря³⁾.

15-го (23-го) ноября, по агентурным сведениям в восточной части Балтийского моря находились следующие неприятельские суда: 3 больших военных судна⁴⁾, 6 крейсеров, 8 канонерских лодок, 25 миноносцев и 4 подводных лодки. Наше командование предполагало выслать крейсера в очередную операцию⁵⁾, но последнюю пришлось отложить, ввиду обнаруженного 13-го (26-го) ноября присутствия германских судов в устье Финского залива и вероятности поставленного ими там заграждения. Траление выходных фарватеров не могло быть произведено из-за свежей погоды, достигшей к утру 16-го (29-го) ноября степени шторма. Командующий флотом был принужден, чтобы укрыться от шторма, уйти из Свеаборга, и перешел с большими судами в бухту Папонвие, на южном берегу залива.

16-го (29-го) ноября были получены сведения, что в районе Данцига взорвался и затонул сторожевой пароход⁶⁾.

17-го (30-го) ноября неприятель в районе Бакофена повредил еще и ветвь подводного кабеля, шедшую на Петроград⁷⁾.

20-го ноября (3-го декабря) погода настолько стихла, что эскадра могла снова перейти на Свеаборгский внешний рейд.

¹⁾ Дневник войны Морискома.

²⁾ Дела № 7015, стр. 40. № 7185, стр. 201.

³⁾ Дело № 8431, стр. 76.

⁴⁾ Дело № 7185, стр. 113, № 7154, стр. 31.

⁵⁾ План этой операции не сохранился.

⁶⁾ Дело № 7154, стр. 62.

⁷⁾ Дело № 7154, стр. 34 и № 8431, телегр. 17-го ноября.

Были сведения, что в тот же день из Данцига на север вышли две германские подводные лодки.

23-го ноября (6-го декабря) Комендант порта Ментилуото (около Бьернеборга) донес, что на подходе к порту взорвались и затонули два шведских парохода. С одного вся команда спаслась на шлюпках, с другого был спасен лишь один человек. Вышедшими из порта судами были обнаружены мины заграждения, поставленные, повидимому, германским заградителем. На том же заграждении, позднее, погиб еще третий пароход со всей командой; для предупреждения ему навстречу выходили портовые моторы, служители маяка подняли лоцманский флаг и начали взрывать бомбы, чтобы обратить внимание парохода, с одного из моторов стреляли из ружей, кричали..., но пароход «Норра-Свериге» по непонятной причине стал уклоняться от мотора, точно опасаясь встречи с ним и продолжал идти прямо на заграждение. Он взорвался на глазах вышедших его предупредить, и через две минуты исчез под водой со всем экипажем. Неприятельские мины стояли почти у поверхности, так что на волне минутами все поле обнажалось. Мотор поэтому и не мог подойти для спасения людей. Потом поступали сведения частных пароходов, что в Ботническом заливе ими были замечены заградители; однако, заграждение могло быть поставлено и с двух миноносцев, о выходе которых с минами из Данцига сообщалось агентурно.

Командующий флотом возбудил ходатайство о разрешении заградить минами вход в Ботнический залив через Оландсгаф. Половина этого пролива являлась шведскими территориальными водами: в темное зимнее время никакие дозоры не могли бы воспрепятствовать проходу заградителя в виде коммерческого парохода или миноносцев, под освещенными маяками шведским берегом, для поставки мин на наших торговых путях¹⁾. Комфлотом указывал на необходимость войти в соглашение со Швецией о минировании нами южного подхода в Оландсгафу и направлении шведского торгового движения по шхерным фарватерам. Только таким путем можно было прикрыть Оландсгаф и дать возможность осуществить фактический контроль дозорными судами над единственным морским путем, связывавшим нас в зимнее время с Швецией.

¹⁾ Дело № 7185, стр. 202. Дневник И. И. Ренгартена, стр. 51. Дело № 8431, тел. № 3843. Дело № 12604, стр. 8. Дело № 8431, тел. 25—27 ноября.

Тогда же Командующий Флотом указал на необходимость обратить особое внимание на Або-Оландский шхерный район, по которому проходят главнейшие операционные пути, возможные для направления десанта в юго-западную часть Финляндии. Неопределенное положение Швеции в европейской войне и возможность ее участия в качестве союзницы Германии, заставляло Командование обеспечить себя от всяких случайностей. Для этой цели было предположено отправить Особый Отряд из двух канонерок, миноносцев и вспомогательных судов и поставить его на зимовку в Або, а в случае политических осложнений ввести в Абосские шхеры линейные корабли и крейсера, имеющие второстепенное значение («Цесаревич», «Слава», «Аврора», «Диана»). Тогда же были посланы для ознакомления со сложными шхерными фарватерами крейсера «Богатырь» и «Олег», «Аврора» и «Диана», на которых ходили для тренировки в шхерном плавании командиры и штурмана лин. кор. «Цесаревич» и «Слава».

Начавшиеся в этот период времени бурные, холодные погоды заставили снять с дозорной службы миноносцы, настоятельно требовавшие после своей усиленной деятельности, тщательного ремонта. Для несения дозорной службы в западной части Залива, были назначены пароходы из состава 2-й партии траления, вооруженные 75-ю мм. орудиями и снабженные радио-телеграфом. Ввиду тихоходности этих судов, линию дозора пришлось отнести внутрь Залива, к меридиану о-ва Оденсхольм, оставив наблюдение за входом в Залив только на береговых постах.

Были получены агентурные сообщения, что неприятель поставил минное заграждение от маяка Хэла до Пиллау и что им заминировано все немецкое побережье; оставлены лишь подходы к портам.

24-го ноября (7-го декабря) вновь появились подводные лодки в устье Финского залива: одной из них в $59^{\circ}39'$ с. ш. и $22^{\circ}50'$ в. д. был безрезультатно¹⁾ атакован миноносец «Внушительный». Последний повернул на нее, намереваясь ее таранить, но лодка успела скрыться. Радио-пеленгаторы установили присутствие в северной части Балтийского моря нескольких неприятельских крейсеров, а севернее немецкого заграждения (на меридиане Такхонь) подлодок²⁾.

¹⁾ Дело № 7185, стр. 202: вахтенный журнал и в нем рапорт командира.

²⁾ Дневник И. И. Ренгартена стр. 52.

Тогда же были получены сведения, что неприятель собирается произвести бомбардировку различных русских портов, как только станет лед.

25-го ноября (8-го декабря) по агентурным сведениям из Данцига вышли на север два заградителя и пять миноносцев; как выяснилось впоследствии один из заградителей взорвался и погиб на заграждении в 35 милях от Мемеля (вероятно № 7, см. карту).

28-го ноября (11-го декабря) было сообщено о выходе из Данцига на север двух крейсеров и миноносцев. В этот же день наши крейсера начали принимать мины и готовиться к второй крупной крейсерской операции.

29-го ноября (12-го декабря) погибли в Финском заливе эскадренные миноносцы «Исполнительный» и «Летучий». Для предотвращения бомбардировки Либавы, Верховный Главнокомандующий приказал выставить в море минное заграждение на позициях, с которых может производиться бомбардировка. Мера эта имела в виду обеспечить безопасность стоянки в Либаве войск; там для укомплектования были расположены части 13-го корпуса¹⁾. Для этой цели было отправлено 8 миноносцев 4-го дивизиона с минами заграждения из Гельсингфорса в Моонзунд, где они должны были ожидать приказа идти к Либаве ставить мины. Дивизион вышел из шхер через Соммарериский фарватер, несколько западнее Поргалауда, и пошел поперек Финского залива к южному берегу отдельными группами по два миноносца. Приблизительно в районе между маяками Юссаре и островом Оденсхольм в 12 ч. 45 м. взорвался миноносец «Исполнительный». Взрыв его, сопровождавшийся массой пламени и дыма, был отлично виден с других миноносцев, из которых ближайšie, «Легкий» и «Летучий», подняли из воды, первый одного человека, а второй семь человек. Через час, в 1 ч. 45 м., «Летучий», шедший впереди «Легкого» в 2¹/₂—3-х кабельтовых, внезапно накренился и затонул. Крайне странным является то обстоятельство, что взрыва на нем не было видно, а только около внезапно затонувшего миноносца показалась на несколько секунд рубка подводной лодки. Установить причину гибели миноносцев невозможно, так как с «Летучего» не удалось спасти²⁾ ни одного человека, а с «Исполнительного» был спасен один, показания коего не дают картины гибели. Есть предположения, что

¹⁾ Дело № 7,185, стр. 119—124.

²⁾ На нем погибли и 7 человек спасенных с «Исполнительного».

«Летучий», заметя подводную лодку, пытался ее таранить и во время удара получил такие повреждения подводной части, от которых сам затонул. Впоследствии было установлено, что в данном районе неприятельских мин заграждения не было поставлено.

В тот же день были получены весьма достоверные сведения из Лондона, что неприятель отправляет войска на транспортах в Данциг и Кенигсберг из западных портов. Тогда же в Морском Генеральном Штабе были получены донесения о предполагаемых активных действиях германского флота в Балтийском море в период от 29-го ноября до 2-го декабря 30-го ноября, по агентурным сведениям, у входа в Мемель стояла паролод-база подводных лодок с лодками. В Данциге находились 2 крейсера, 14 миноносцев и 5 подводных лодок, из последних две в постоянном дежурстве. Против наших подводных лодок неприятель начал устанавливать сети, подвешенные к бочкам. В этот день вышли в море «Рюрик», «Макаров» и «Баян» для заградительной операции.

Заградительная операция 1/14 декабря 1914 г.

Для выполнения заградительной операции 1/14 декабря был назначен сборный отряд особого назначения под флагом Начальника Штаба Флота, в составе заградителя¹⁾ «Енисей», крейсеров «Рюрик», «Адмирал Макаров» и «Баян» с минами заграждения и крейсеров «Олег» и «Богатырь» для несения дозорной службы и конвоирования «Енисея», на случай вынужденного разделения отряда. Для обеспечения операции со стороны появления превосходных сил противника, должны были быть своевременно высланы с соответствующим расчетом подводные лодки «Е—1», «Е—9» и «Акула».

Целью операции являлось преграждение наиболее вероятных подходов со стороны моря в районе Данциг — Пиллау, Рикегефт—Данциг, чем достигалось затруднение противнику сообщения с левым флангом своей армии.

Операция была предпринята по инициативе Ком. Флотом; никаких директив о необходимости ее выполнения из Ставки не было получено.

Суда отряда получили нижеследующие оперативные приказания²⁾:

¹⁾ Дело № 12594, стр. 13. ²⁾ Дело № 12594, стр. 12 б.

В день, назначенный для выхода (30-го ноября или 1-го декабря), крейсера «Рюрик», «Баян» и «Макаров» с минами заграждения должны были выйти из Папонвика в море, располагая курсы и ход так, чтобы на другой день в 8 часов утра быть в месте randevу P_2 (см. карту).

Туда же и в то же время должны были прийти на общее randevу крейсера «Богатырь», «Олег» и заградитель «Енисей», после чего отряд должен был следовать соединенно, курсами, зависящими от обстоятельств, к назначенной начальной точке постановки заграждения «Енисей» (в широте $55^{\circ}26'$ и долготе $19^{\circ}00'$, см. карту, заграждение № 10). В указанной точке с заградителем должны были оставаться крейсера «Богатырь» и «Олег», а крейсера «Рюрик», «Адмирал Макаров» и «Баян» отделиться и приступить к постановке своих заграждений последовательно. Для выполнения постановки с крейсеров, последним надлежало выстроиться в строй кильватера в порядке «Баян», «Адмирал Макаров», «Рюрик» (концевой); отойдя от точки разделения, курсом 225° на 6 миль, первым должен был ставить «Рюрик» линию банок, длиной до 8 миль, после чего становиться головным. Отойдя тем же курсом 225° на 6 миль от последней банки, поставленной «Рюриком», крейсер «Адмирал Макаров» должен был ставить линию банок длиной до 4 миль, после чего становиться головным и вести отряд тем же курсом. Пройдя еще 6 миль должен был приступить к постановке «Баян», тоже ставя 4 мили. По окончании постановки, отряд отходит 30 миль на нордвест и далее располагает свои курсы так, чтобы быть в 8 час. утра на randevу с «Богатырем», «Олегом» и «Енисеем» в $57^{\circ}20'$ с. ш. и $20^{\circ}0'$ в. д. (см. на карте P_1).

Таким образом крейсера должны были заградить район на SW от заграждения № 10 (см. карту) длиной 34 мили.

Если обстоятельства плавания вызвали бы разделение судов отряда или отделение хотя бы одного из ставящих мины, то крейсерам назначались именные банки, которые должны были быть поставлены после захода солнца:

«Рюрик» — по широте от $55^{\circ}08', 5$ до $55^{\circ}14'$, по долготе от $18^{\circ}30'$ до $18^{\circ}38'$, направление 45° — 225° (заграждение № 9 на карте).

«Адм. Макаров» — по широте от $55^{\circ}03', 5$ до $55^{\circ}07', 5$, по долготе $18^{\circ}00'$ до $18^{\circ}04'$, по направлению 33° — 213° .

«Баян» — по широте от $54^{\circ}59'$ до $55^{\circ}03'$, по долготе $17^{\circ}36', 5$, по направлению 0° — 180° (заграждение № 8).

Заграждение было приказано ставить рядом банок, уступом по 20 мин, с промежутками между банками $\frac{1}{2}$ мили, расстояние между минами 150 фут, глубина постановки 10 и 16 фут (смешанная).

Окончив постановку именных банок, крейсера должны были идти точно указанными им курсами ¹⁾ к месту randevу (см. на карте P_1).

Начальник отряда находился на «Рюрике» в Папонвие, совместно с «Макаровым» и «Баяном», которые там должны были брать мины. «Енисей», «Олег» и «Богатырь» были посланы в Утэ, откуда должны были выйти по условной радио и так располагать курсами и ходом в пределах 12—14 узлов, чтобы к 8 часам утра следующего дня быть в квадрате 436 д. (см. карту P_2).

Имея основания предполагать постановку противником минного заграждения в районе островов Даго и Эзель, Начальник Отряда указал курсы — от Утэ в широту $59^{\circ}25'$ и долготу $20^{\circ}30'$ и оттуда прямо в P_2 .

В последнем месте было назначено в 8 час. утра randevу и крейсерам «Рюрик», «Адмирал Макаров» и «Баян», которые должны были подойти с севера. Далее предполагалось идти соединенно до места постановки «Енисея», где с ним останутся крейсера «Богатырь» и «Олег», а крейсера «Рюрик», «Адмирал Макаров» и «Баян» отделяются.

В случае тумана, пурги или густой мглы, крейсерам «Богатырь», «Олег» и заградителю «Енисей» было приказано прождать на randevу один час и расположить свои курсы так, чтобы к наступлению темноты поставить заграждение в указанном месте.

После постановки заграждения «Енисеем», крейсера и заградитель, держась соединенно, должны были лечь на обратные курсы, рассчитывая быть на общем для всего отряда randevу в P_1 (см. карту) в 8 час. утра следующего за постановкой дня. Далее отряду было указано следовать соединенно.

В случае ненастья и несостоявшейся встречи, «Богатырю», «Олегу» и «Енисею» надлежало идти в устье Финского залива, куда и войти в темное время.

«Енисею» было приказано ставить мины банками на глубине 10 и 16 фут ²⁾.

Для соображений, в случае раздельного плавания, на каждый корабль был дан список известных и предполагаемых

¹⁾ Дело № 12594, стр. 126 н/об. ²⁾ Дело № 12602, стр. 38.

заграждений в Финском заливе и Балтийском море, а также примерные курсы и места всех судов, участвующих в операции.

Радио-переговоры были воспрещены, кроме случаев экстраординарных. Кильватерные огни и ратьеры были затемнены синим флагдухом.

Для выполнения указанного плана 28 ноября (11 декабря) подводные лодки Е 1 и Е 9 вышли в район к западу от острова Борнгольм, а 29 ноября (12 декабря) крейсера «Богатырь», «Олег» и заградитель «Енисей» сосредоточились в Утэ, крейсера «Адмирал Макаров», «Баян» и заградитель «Ильмень» в бухте Папонвик.

«Рюрик» принял 28 ноября (11 декабря) с баржи на Свеаборгском рейде 120 мин заграждения и на следующий день вышел в Папонвик на соединение с «Макаровым» и «Баяном», которые должны были принять в течение этого дня мины с заградителя «Ильмень».

К вечеру 29 ноября (12 декабря) обстановка представлялась Начальнику отряда в следующем виде: взрыв в течение дня «Исполнительного» и «Летучего» в квадратах (20 и 27), где ранее мин заграждения обнаружено не было, давал повод к предположениям о присутствии неприятельских подводных лодок между неприятельским заграждением в устье Финского залива (на меридиане Тахкона) и Центральной позицией; сведения о боевых судах противника сводились к тому, что в северной части Балтийского моря к 30-му ноября (13 декабря) могли быть 2 легких крейсера и миноносцы, а в Киле находилось 5 дредноутов и другие большие суда, принимавшие запасы, якобы для операций в Балтийском море в ближайшее время; погода последних дней была бурная и мешала тралению курса, намеченного для выхода крейсеров из залива; в частности же вечером, 29-го, ветер, переходивший в зюйд-осту, достигал 6—8 баллов, а волна 5—6 баллов.

На основании приведенной выше обстановки Начальник отряда решил, что наиболее безопасное выполнение операции падает на ближайшие дни, пока флот противника еще не приступил к активным действиям и, кроме того, именно теперь, операция должна была оправдать надежды затруднить противнику сообщения с левым флангом армии, почему и выход был решен на следующий день, не взирая на погоду.

В соответствии с принятым решением, на следующее утро, (30 ноября) 13 декабря, Начальник отряда приказал спешно принимать мины крейсерам «Адмирал Макаров» и «Баян» (мины не были приняты накануне из-за того,

что «Ильмень» не мог из-за свежей погоды подойти к борту крейсеров). Выход из Папоявика был назначен на 12 час., с расчетом проходить Суронский пролив после захода солнца.

В 11 час. были приглашены командиры крейсеров для передачи им инструкций на предстоящий поход. К этому же времени из полученных радио выяснилось, что противник предполагает в ближайшее время начать перевозку войск на транспортах в Данциг и Кенигсберг, что лишь утвердило Начальника отряда в необходимости выхода в тот же день. В виду этого было приказано «Адмиралу Макарову», грузившему мины вторым, принимать их вплоть до с'емки с якоря, сколько успеет, отказываясь в случае необходимости от обязательного числа 80, как то полагалось по плану для каждого из обоих крейсеров этого типа.

В 12^{1/2} час. крейсера «Рюрик», «Адмирал Макаров» и «Баян» снялись в пургу с якоря и пошли по назначению. В виду того, что из-за бурной погоды последних дней траления предположенного фарватера не было и так как вынужденный из-за подводных неприятельских лодок более поздний, чем то было рассчитано, выход из Папоявика принуждал идти 16-ти узловым ходом. Начальник отряда отказался от предложенного Командующим флотом парохода трала «Митава» (ход 14 узлов) и указал головному крейсеру («Адмирал Макарову») курсы, которыми за день перед этим прошли крейсера «Олег» и «Богатырь», сообщенные по радио.

Находясь уже в пути, Начальник отряда получил от Командира «Богатыря» радио, что снежная пурга препятствует выходу второй части отряда из Утэ. Это известие побудило его решить, не откладывая операции, поставить с крейсеров свои именные банки вечером 1—14 декабря, затем встретить на назначенном утреннем раунде «Богатырь», «Олег» и «Енисей» проконвоировать его до места постановки, на следующее утро вновь всем соединиться и совместно вернуться в Финский залив ночью на третий сутки. Сообразно с этим крейсерам «Богатырь», «Олег» и заградителю «Енисей» было приказано выйти на следующий день в тоже раунде.

Имея в виду, что мины, принятые на «Рюрик» (образца 1909 г.) надо было в целях безопасности постановки ставить не в полной темноте и что мины 1912 г., принятые на другие крейсера, в значительной степени более безопасны, Начальник отряда приказал «Адмирал Макарову» присоединиться к «Баяну» и идти совместно к местам постановки, «Рюрик» же увеличил ход до 18 узлов и ушел вперед. За

ночь крейсер «Баян» отстал и утром донес, что может иметь не более 16 узлов хода; он вернулся в Уте не поставив мин утром 2/15 декабря.

Легкая пасмурность, державшаяся весь день, способствовала избежанию встреч с кем либо и только утром на горизонте очень недолго был виден дым под самым берегом острова Готланд, который вскоре исчез. Повидимому это был пароход, который не мог бы определить даже числа идущих судов, так как «Рюрик» и «Макаров» по направлению на него створились, а «Баян» был далеко отставши.

Около 17 час. 1/14 декабря «Рюрик» подошел к назначенному месту и выставил ряд минных банок общий длиной до $5\frac{1}{2}$ миль. (См. карту № 9).

«Адмирал Макаров» отделился от «Рюрика» в 11 час. 50 мин. находясь в милях 30 восточнее южной оконечности Готланда и взял курс прямо к месту заграждения (см. карту № 8), куда прибыл в 8 час. 30 мин. вечера, не встретив неприятельских кораблей. Заграждение им было поставлено в три банки по 21 мине каждое. Германские маяки были потушены; в южном направлении виднелось зарево большого города. Во время постановки были усмотрены огни проходившего невдалеке корабля. Постановка мин была закончена в 8 час. 53 мин., после чего «Макаров» лег на курс 335. Около 9 час. были вправо усмотрены огни шедшего корабля. В 10 час. 22 мин. «Адмирал Макаров» лег на норд и направился к месту утреннего randevu с другими крейсерами. Маяк Хоборг не горел и поэтому крейсер приблизился к берегу, чтобы определиться по мелким маякам; полученное место подтвердило, что заграждение поставлено точно в заданном месте.

В 6 час. 45 мин. утра крейсер находился на OSO от маяка Хелигхольмен (южная оконечность Готланда) в $5\frac{1}{2}$ милях. Стояла настолько густая мгла, что маяк можно было с трудом отличить.

Командир «Адмирала Макарова» решил не подниматься на Н, имея в виду присутствие значительных сил неприятеля, превосходивших силой весь наш отряд; полагая, что и «Рюрик» будет вынужден, по изменившимся условиям, спуститься на юг и возможно, уже это сделал, — он также решился спуститься на юго-запад, не переходя однако меридиана $19^{\circ}30'$, так как полагал, что неприятель будет придерживаться Готланда, а не опасного вследствие мины восточного берега моря; он предполагал прождать до 4-х час. дня и затем под прикрытием темноты, идти в Уте.

В 8 час. 15 мин. крейсер находился в $56^{\circ}52'$ с. ш. и $18^{\circ}44'$ в д., милях в 12 западнее назначенного рандеву (P_2), в которое пришел в 9 час. утра.

С 9 час. 30 мин. «Макаров» начал ходить переменными курсами, чтобы держаться в выбранном районе.

Часа в 3 дня крейсер наблюдал часто повторяющиеся яркие вспышки как бы прожектора.

В 4 часа дня «Макаров» пошел на север и в десятом часу утра прибыл в Утэ, не будучи обнаружен неприятелем.

После постановки мин «Рюрик» направился к месту утреннего рандеву P_2 , куда должны были собраться все крейсера и подойти с севера «Богатырь», «Олег» и «Енисей», вышедшие из Утэ 1-го/14-го декабря около 2 час. дня.

К 8 час. утра 2/15 декабря, когда «Рюрик» подходил к назначенному рандеву, обстановка складывалась в следующих общих чертах: последние сведения о противнике указывали, что между 29 ноября и 2 декабря можно было ожидать решительных действий Германского флота в Балтийском море; радио-целенгаторы в течение ночи обнаружили пребывание каких то неприятельских судов, находящихся у входа в Финский залив и немного южнее; были основания считать что в северной части Балтийского моря находятся не менее 4-х кораблей («Markgraf», «Kaiser» «Gazelle» и один неизвестный легкий крейсер) и миноносцы, и что встреча с неприятелем возможна от назначенного места сбора, всего в 60 милях к северу.

В виду всего изложенного Начальник отряда решил после соединения отойти к югу, продержаться всем отрядом в районе банок Хоборгского рифа, как избегаемого большими судами, дожидаться там сумерек и проконвоировав «Енисей» до полной темноты по курсу к месту его постановки, остальным судам идти в Утэ, а «Енисею» на следующее утро войти в Рижский залив.

В $9\frac{1}{2}$ час. «Рюрик» соединился с подошедшими с севера «Богатырем», «Олегом» и «Енисеем», но «Адмирала Макарова» не было видно. Полагая, что «Адмирал Макаров» разошелся с отрядом (на этот случай были даны указания) благодаря пасмурности, в которой «Богатырь», «Олег» и «Енисей» открылись всего в 60 кабельтовых, Начальник отряда в 10 час. лег на курс, обратный тому, которым мог подходить «Макаров», и шел им до 11 час., когда отряд повернул в сторону Хоборгского рифа.

Прокрейсеровав вблизи банок весь день до 4 час. дня и не встретив никого, отряд лег на курс, ведущий «Енисея»

в месту его постановки и увеличил ход до 14 узлов. После захода солнца, при увеличивавшейся пасмурности, «Рюрик» и «Олег», дав 16 узлов, пошли на север, а «Богатырю» было приказано конвоировать «Енисей» до полной темноты, после чего тоже идти в Утэ. «Енисей» после постановки должен был идти в Рижскому заливу, куда войти утром.

За ночь ветер от Норд-Оста усилился, а к утру горизонт стал нечистым и видимость была временами не более 5 миль.

Проконвоировав «Енисей» до полной темноты, «Богатырь» направился в Утэ; не вдалеке от маяка Эстергарн он усмотрел два огонька, шедших на юг.

«Енисей» подошел к назначенному месту в 8 ч. вечера 2/15-го декабря и поставил заграждение в $10\frac{1}{2}$ миль длиною, полумильными банками с промежутками в $\frac{1}{2}$ мили. Всего он поставил 240 мин (см. карту № 10). Идя на север «Енисей» видел по левому траверзу и несколько впереди ряд слабых огней. Предполагая возможным присутствие неприятеля, «Енисей» уменьшил ход до малого и уклонился несколько вправо; описав полную циркуляцию в сторону от замеченных огней лег на прежний курс и дал прежний ход. Около 2-х часов ночи огни были вновь замечены, что заставило командира снова несколько изменить курс вправо. Уменьшить ход нельзя было из опасения не успеть в период темного времени ко входу в Рижский залив. Уклониться существенно вправо было также опасно, в виду неопределенности границ, предполагаемого неприятельского заграждения. Потому командир продолжал идти прежним курсом полным ходом, уклоняясь к югу каждый раз, как замечались огни влево от курса. В 6 час. утра, после резкого изменения курса вправо (на 4 R), огни окончательно скрылись и более уже не замечались. Остальной путь до входа в Рижский залив и далее совершен благополучно.

Таким образом намеченная операция оказалась выполненной почти полностью (за исключением «Баяна») и не была обнаружена противником. Отрядом поставлено 424 мины заграждения.

Погода благоприятствовала операции в оба дня: и 1-го и 2-го декабря, было пасмурно, с общею видимостью от 4-х до 6 миль, а по ночам до того темно, что даже черный дым из собственных труб не был виден. Удаче способствовало еще и то обстоятельство, что корабли ставили банки самостоятельно, т. е. врозь друг от друга, давая меньше дыму в одной точке и что «Енисей» прошел все пространство от Хоборгской банки до места постановки и далее до входа в Рижский залив в темноте.

Обстановка на Балтийском море за декабрь рисуется ниже-
следующим образом:

1/14-го декабря наши посты усмотрели ночью в широте Павловской гавани в море прожектор ¹⁾. Были получены донесения, что в районе Свинемюнде находятся постоянно в море дозорные миноносцы ²⁾.

2/15-го декабря в 60° 40 м. с. ш. и 20° 40 м. в. д. эскадренный миноносец «Деятельный» ³⁾ был безрезультатно атакован неприятельской подводной лодкой: в тот же день эск. мин. «Достойный» видел дважды к югу от Ганге перископ и затем струю от мины, а миноносец «Украина» ⁴⁾ при входе с севера в Моонзунд, боевую рубку подводной лодки. Поиски миноносцами подлодки были безрезультатны.

От начальника Морского Генерального Штаба была получена срочная телеграмма, что 2 или 3-го декабря ст/ст. ожидается выход эскадры дреднаутов и других судов из Кили в Балтийское море».

3/16-го декабря подводная лодка «Авуга» вышла в крейсерство к о-ву Готланду. С моря вернулась подводная лодка «Е-1»; у входа в Финский залив она была, идя на поверхности, у маяка Бенгшер, атакована германской подводной лодкой, выпустившей по ней две мины, одна из которых прошла вплотную к лодке и только случайно замеченный перископ и немедленный поворот спас лодку от уничтожения. Во время крейсерства «Е-1» встретила к западу от о-ва Борнгольм только один неприятельский миноносец, который и атаковала, но безрезультатно ⁵⁾.

4/17-го декабря с утра, на виду наших наблюдательных постов Марленгамн ⁶⁾, Утё и Дагерорт, появилось несколько легких крейсеров; они ушли в южном направлении, вероятно, заметив наши подводные лодки, вышедшие из Утё ⁷⁾. Получились сведения, из заслуживавшего большого доверия источника, что полное оборудование шведской армии предполагалось закончить к 15-му марту н/ст. В случае войны весной, действия предполагается направить против Финляндии, путем высадки войск под прикрытием германского флота ⁸⁾.

¹⁾ Дело № 8431 стр. 81.

²⁾ Дело № 7154 стр. 85.

³⁾ Вахтенные журналы миноносцев и Дело № 8431 стр. 81.

⁴⁾ Вахтенный журн. «Украины» и Дело № 7185 стр. 211.

⁵⁾ Дело № 12597 стр. 42 и Дело № 7185 стр. 227.

⁶⁾ Дело 12597 стр. 41-45; Р-т К. В. Ф. 37 К/О.

⁷⁾ Р-т К. В. Ф. № 37 К/О.

⁸⁾ Дело 7154 стр. 94.

5/18-го декабря «Достойный» видел неприятельскую подлодку ¹⁾ в устье Финского залива, шел ее таранить и прошел над лодкой.

6/19 декабря с маяка Филдзанд ²⁾ был усмотрен на запад неприятельский заградитель.

По сведениям Морского Генерального Штаба ³⁾, действия германского флота против России ожидалось в январе. Как видно из книги адмирала Шеера, единственного германского источника, находящегося в данное время в Морискоме, по которому можно судить о намерениях германского флота в Балтийском море, в начале января действительно предполагался переход 3-й эскадры в составе: лин. кор. «König», «Grosser Kurfürst», «Markgraf», «Kronprinz», «Kaiser», «Prinz-Regent Luitpold» и «Kaiserin» для боевого маневрирования.

8/21 декабря из Данцига на север вышли 6 миноносцев с минами заграждения ⁴⁾.

9/22-го декабря были получены сведения, что повидимому внешняя дозорная цепь данцигского района ⁵⁾ составляется из подводных лодок, базирующихся на Мемель; вторая линия — сторожевые пароходы, с осадкой в 16" и менее, расположенные цепью на N. W. от Брюстерорта ⁶⁾. Сторожевое охранение миноносцев постоянно состоит из двух-трех судов базирующихся на Пальминкен. Миноносцы сменяются через шесть дней ⁷⁾.

11/24-го декабря у входа в шхеры у Петерсхера (район Бьёрнеборга) появилось 4 неприятельских военных судна замеченных лодчанами. Последние немедленно сообщили об этом на материк ⁸⁾, снежная метель не позволила им определить тип судов ⁹⁾.

14/27-го декабря были закончены постановки мин заграждения на местах наиболее выгодных для бомбардировки Ливавы ¹⁰⁾. Постановка этих заграждений задерживалась бурными погодами, мешавшими протранию путей для безопасных подходов с моря миноносцев, должествовавших ставить мины ¹¹⁾. Для этой цели 29-го ноября (12 декабря) и были

¹⁾ Дело 8431 стр. 1.

²⁾ Дело 8431.

³⁾ Дело 7185 стр. 282.

⁴⁾ Дело 7154 стр. 107.

⁵⁾ Дело 7185 стр. 276.

⁶⁾ Дело № 7185 стр. 347-348; Р-т К. Фл. № 47 К/О и 37 К/О; дело 7185 стр. 318 и дело 7154 стр. 127-130.

⁶⁾ Дело № 7185 стр. 286-293, № 7154 стр. 113.

⁷⁾ Дело № 7154 стр. 112, 127, 130.

⁸⁾ Дело № 7185 стр. 293, № 7154 стр. 120.

⁹⁾ Дело 12604 стр. 158.

¹⁰⁾ Дело № 7185 стр. 313.

посланы 8 миноносцев 4-го дивизиона, двое из которых («Исполнительный» и «Летучий») погибли в Финском заливе. Тральные работы к началу декабря выяснили положение неприятельских минных банок и тогда же было приступлено к постановке мин заграждения портовыми средствами. Мины были подвезены к Либаве по железной дороге. Подходы к Либаве таким образом были весьма затруднены целой цепью неприятельских и наших минных заграждений, но обеспечить город от бомбардировки командование флотом, конечно, не могло, так как противник, решившийся на этот шаг, мог в нужных ему местах вытратить мины, а флот был лишен возможности этому помешать. Посылка же миноносцев для дополнения поставленных заграждений была крайне затруднена бурными погодами и низкой температурой, при которой мины и их якоря покрываются крепкой корой льда. Появление льда в Моонзунде до крайности осложняло подобные операции и делало посылки миноносцев в Балтийское море южнее Виндавы почти невозможными. Тяжелая служба миноносцев не могла не отразиться на состоянии их механизмов и котлов, требовавших серьезного ремонта; дабы к весне иметь их боеспособными, Командование использовало время с конца декабря до середины февраля для ремонта и технического усовершенствования миноносцев (установка различных новых приборов и приспособлений и т. д.). За этот промежуток времени в полной готовности неизменно оставались лишь две группы миноносцев (всего 8).

16/29 декабря было закончено обследование неприятельских заграждений у Ментилуото и Раумо и обвехованы новые фарватеры, позволявшие возобновить безопасное плавание в эти порта ¹⁾.

17/30 декабря, по агентурным сведениям, в Киле ²⁾ грузился минойми заградитель, долженствовавший ставить мины у русских берегов. В тот же день на видимости Мариенгамна появился крейсер типа «Аугсбург» ³⁾. Подойдя к Копбаклинторне, он продержался там около часа в расстоянии 6—7 миль от Мариенгамна и затем, пройдя маяк Локшер, скрылся на юг.

Около этого времени выяснилось, что шведское правительство согласилось на заминирование нами всего Оландстафа,

¹⁾ Дело № 12600 стр. 91; дело 12620 стр. 62.

²⁾ Дело 7185 стр. 574а.

³⁾ Дело 12604 стр. 155.

за исключением территориальных вод Швеции¹⁾, что практически аннулировало все значение этого предприятия, т. е. оставляло совершенно свободным почти половину всего прохода и как раз ту, где пролегает главный фарватер из Балтийского моря в Ботнический залив. Такое частичное заминирование Оландсгафа, конечно, не могло способствовать достижению главной цели—преградить доступ германским судам в Ботнический залив. Переговоры по сему вопросу с шведским правительством продолжались.

20 декабря (2 января), по сведениям Морского Генерального Штаба, в восточной части Балтийского моря²⁾ находились 2 «Дейтшланда», 2 больших крейсера, 6 малых крейсеров, 18 миноносцев, 2 подводных лодки и 2 канонерки.

21 декабря (3 января) вступил в строй прибывший в Гельсингфорс линейный корабль «Петропавловск». Испытания механизмов прошли превосходно³⁾.

24 декабря (6 января)⁴⁾ вернулись из Ботнического залива наши крейсера и миноносцы, ходившие туда по вновь обставленным шхерным фарватерам, для обеспечения морского торгового пути в Швецию⁵⁾.

26 декабря (9 января) были получены сведения английского адмиралтейства, всегда весьма достоверные, что рано утром 26 декабря (8 янв.) неприятель предполагает проявить деятельность в Балтийском море подводными лодками и эскадренными миноносцами. Более подробных сведений сообщено не было⁶⁾ и⁷⁾.

В декабре 1914 года сухопутным начальством Двинского Военного Округа⁸⁾ был возбужден вопрос об усилении обороны Балтийского моря от Усть-Двинска до Полангена, при чем предполагалось в основу этого положить ниже следующие данные: 1) Усилить пассивную оборону, в смысле наблюдения и поддержания связи по побережью. 2) Усилить пассивную оборону важнейших пунктов побережья, в смысле солидного их минирования. 3) Внести в оборону побережья активный характер, назначением потребного числа подводных лодок и миноносцев, базирующихся на порт Либаву, в целях действия на сообщение и ближайшие порты противника.

¹⁾ Дело 7185 стр. 354-355.

²⁾ Дело № 7185 стр. 363, № 7186 стр. 5.

³⁾ Дело № 7185 стр. 361—362.

⁴⁾ Дело № 7186 стр. 5.

⁵⁾ Дело № 8431.

⁶⁾ Дело № 7185 стр. 379.

⁷⁾ Дело № 7185 стр. 6.

⁸⁾ Дело № 7185 стр. 335, 331.

Ниже приведены выдержки из разъяснений по этим вопросам Штаба Главнокомандующего VI армией: по вопросу более надежного заграждения Либавы сообщалось «что поставленные мины на местах, наиболее удобных для бомбардировки города, считаются достаточными и что надо иметь ввиду, что бомбардировка Либавы неприятелем происходила только потому, что в этом порту одно время находились некоторые наши суда (подводная лодка «Крокодил», базировавшаяся на этот порт в ноябре и несколько миноносцев); район Либавы являлся настолько загражденным, как нами так и противником, что едва-ли в нем возможно плавание без принятия специальных мер. Ходатайство о постановке флотом орудий у Либавы, почиталось Штабом Главнокомандующего VI-й армией, совершенно ненужным вследствие того, что Либава, равно как и все Курляндское побережье, по обстановке того времени, не имело какого либо значения для операций на море и оборона его не входила в задачи, поставленные Балтийскому флоту Высшим Командованием. Наше Курляндское побережье не являлось объектом действий для нашего противника. «Присылка в Либаву и базирование на ней миноносцев и подводных лодок, не представлялись возможными, еще и потому, что весь юго-восточный угол Балтийского моря был заминирован нами в столь широких размерах (район Мемель-Данциг), что о каком бы то ни было серьезном движении здесь неприятельских судов и транспортов не могло быть и речи. Опыт войны совершенно ясно показал, что противник ни разу не перевозил войска к Данцигу и Мемелю морем, а бывшие перевозки производились из Кенгсберга по Куришгафу, чему никто, а особенно флот, мешать не мог».

30-го декабря (12-го января) в Морском Генеральном Штабе были вновь получены указания на предстоящее выступление против Либавы германского флота.

Обстановка на Балтийском море к концу 1914 г.¹⁾ рисуется по донесениям Командующего флотом нижеследующим образом:

«Условия борьбы на море в течение первых месяцев войны позволили Балтийскому флоту не только выполнить целиком основной план операции—не позволить противнику проникнуть в восточную половину Финского залива—но и закрепить за собой обладание Моонзундом и шхерами до Ганге, установив таким образом наблюдение за выходами из Финского залива. Вывод полевых войск из Финляндии, вынужденное

¹⁾ Рпт. Ком. В. Ф. № 48 в/о 49 в/о.

базирование главных сил флота на Гельсингфорс, ввиду неготовности Ревельского порта, и соображения о защите центральной позиции—особенно подчеркивали опасность высадки неприятельского десанта в Финляндии, хотя-бы на ее юго-западном или западном побережье, которое выходило из пределов вышеуказанной, расширенной оперативной зоны нашего флота. Неопределенное положение занятое Швецией и ее военные мероприятия угрожали открытой борьбой с последней. Эти соображения заставили командование Балтийском флотом вновь обратить самое серьезное внимание на Або-Оландский район». Район этот, находясь на фланге всех операционных направлений противника в Финский и Ботнический заливы, обладает глубоководными внутренним фарватерами, доступными для самых больших судов; для Балтийского флота он имел первостепенное стратегическое значение. Прочное владение этим районом позволяло упорно бороться против операций противника, направленных к преграждению выхода из Финского залива и давало возможность контролировать входы в Финский и Ботнический заливы, равно как не допустить десантных операций противника на юго-западном и западном берегу Финляндии. Наоборот, обладание этим районом неприятелем, позволяло последнему парализовать всякие попытки Балтийского флота к развитию каких либо операций не только в районе Балтийского моря, но даже и в устьях Финского залива; устройство противником баз для своих подводных лодок в Або-Оландском районе поставило бы флот, находящийся в Финском заливе, в крайне тяжелое положение.

Исходя из этих соображений, Командующий Балтийским флотом вновь настаивал (31-го декабря ст. ст.) на необходимости безотлагательно и прочно занять и укрепить Або-Оландский шхерный район, отделив для его обороны часть второстепенных сил флота, не имеющих особого значения для обороны центральной позиции и восточной половины Финского залива¹⁾.

Развитию оборудования Або-Оландского шхерного района будет посвящен особый исторический очерк; ниже укажу лишь главные основания плана оборудования и обороны этого шхерного района.

Предполагалось защитить все входы с моря путем установки нижеследующих баттарей: а) четыре 9,2" орудия на острове Эре; б) четыре 8" на острове Утэ, в) шесть 6"

¹⁾ 7185 стр. 410.

в районе Чекарсфиорда, г) четыре 8" в районе Летзунд, д) три 6" в районе Лумперланда, на Дегере, е) четыре 120 мм. в районе Ворде ж) четыре 120 мм. в районе Люпперте. Подвижную оборону района предполагалось возложить на отряд из следующих судов: «Цесаревич», «Слава», «Диана», «Аврора», «Грозный», «Храбрый», 1 дивизион миноносцев, 3 подводных лодки, заградитель «Ильмен» и вспомогательные суда. Остров Оланд было предполагено занять морским батальоном с пулеметной командой и батареей горных пушек. Главнокомандующий VI армией утвердил вышеизложенное предположение Командующего флотом и вошел в сношение с министром иностранных дел по вопросу о своевременном предупреждении Швеции и возможного парализования агитационной деятельности неприятеля, который мог бы использовать факт оборудования Або-Оландского района, истолковывая его как агрессивное действие, направленное непосредственно против Швеции ¹⁾.

Тогда же Командующий флотом указывал на опасность хотя бы временного занятия противником острова Эзель и уничтожения авиационной станции в Кильконде ²⁾. О-в Эзель тогда был совершенно беззащитен. Значение этого острова для деятельности флота было тесно связано с владением последним и Моонзундом, которое только и позволило создать для миноносцев второй выход в Балтийское море через Рижский залив. Возможность их выхода через Ирбенский пролив ставила морские пути неприятеля, по восточную сторону о-ва Готланд к устью Финского залива, под фланговые удары и допускала появление миноносцев в тылу отрядов противника, развивавших операции в северной части Балтийского моря. Повидимому эти соображения и заставили противника появляться в указанном районе лишь в светлое время суток, отходя к вечеру в западный проход о-ва Готланд или к берегам Швеции. Только благодаря владению островами Эзелем, Даго и Моонзундом, Балтийскому флоту удалось так широко развить активные заградительные операции с миноносцев у берегов противника. Базирование на Ревель или Гельсингфорс сделало бы эти операции почти невозможными. Расположенная на о-ве Эзель морская авиационная станция уже в то время сыграла важную роль в деле своевременного осведомления главных сил о передвижении противника в районе Фильзанд и Дагерорт. Значение ее усугублялось тем,

¹⁾ Дело № 7185 стр. 407. ²⁾ Дело № 13440 стр. 119.

что состав крейсерских бригад Балтийского флота был настолько слаб и относительно тихоходен, что без поддержки более сильными судами они не могли выполнять более глубоких разведок. Командование Балтийским флотом считало занятие с-ва Эзель наиболее вероятным именно зимой, когда флот, а в особенности его минные суда, не могут выйти в любое время в море и поэтому ходатайствовало о назначении на остров одной дружины ополчения с полевой артиллерией, с расквартированием ее в Аренсбурге и в местах наиболее угрожаемых в смысле высадки десанта.

Для характеристики обстановки в южной части Балтийского моря, от входа в Рижский залив до косы Хела, ниже приведены выдержки из письма Начальника Штаба Главнокомандующего VI армией ¹⁾ к Командующему X армией, занимавшей тогда самый крайний правый фланг нашего фронта и стоявшей в Восточной Пруссии (между Неманом и Иогансбургом). Указывалось на заминирование в широких размерах нашим флотом всех подходов с моря к германским портам Нейфарвассеру, Пиллау и Мемелю, а также и всего юго-восточного угла Балтийского моря, к востоку от линии Риксгефт—Либава. «Гибель германского броненосного крейсера «Фридрих Карл», двух минных заградителей и целого ряда других мелких судов, происшедшие на наших минах в этом районе, заставили противника оттянуть свои легкие крейсера и миноносцы, базировавшиеся обычно на Данциге и Мемеле, из этого района моря на запад к Кольбергу и Штеттину. Получаемые постоянно вполне надежные агентурные сведения указывали, что движения судов в заминированном районе почти нет; для поддержания каботажного движения у побережья, германским правительством был принят целый ряд мер, но все же последнее оказалось сильно затрудненным». В силу этого минирование нашим флотом названного участка моря, имевшее целью затруднить насколько возможно движение неприятельских судов к его восточным портам, повидимому достигло в полной мере своего назначения».

В тот период времени Штаб Главнокомандующего считал мало вероятным предположить возможность производства неприятелем массовых перевозок войск морем с запада к Кенигсбергу и Мемелю, имевших целью выйти во фланг X армии. «Суровая и крайне бурная погода не позволяла противнику вытравливать выставленные минные заграждения, а большее их число и постановка их в открытом море в достаточном

¹⁾ Дело 7185 стр. 402—406.

удалении от берегов, могла почитаться наилучшей гарантией долговечности этих заграждений. Таким образом, если и нельзя было гарантировать в полной мере невозможность со стороны противника производство отдельных морских перевозок в этом районе, то во всяком случае, можно было быть уверенным в значительной трудности производства таковых». Существовавшие тогда мнение, что «неприятель производил перевозки войск морем к Мемелю, основывалось на недоразумении; действительно перевозка войск производилась, но не по открытому морю, а по внутренним мелководным фарватерам Куришгафа, омывающем район Кенигсберг, Либаву и устье Немана, вход в который с моря защищался батареями у Мемеля. Поэтому было бы правильнее назвать эти перевозки не морскими, а речными или озерными. Помешать этим перевозкам флот не мог до тех пор, пока в его власти не будет Мемель, т.-е. вход с моря в Куришгаф. Либавский военный порт, уничтоженный как таковой в самом начале войны, дважды подвергся минированию и бомбардировке со стороны неприятеля; оба раза эта операция противника имела целью не допустить базирование наших судов на Либаву. Особенно ясно это подтвердилось при вторичной бомбардировке, происходившей после того, как в течении трех недель на Либаву базировалась подводная лодка «Крокодил» и туда заходили английские подводные лодки и несколько миноносцев. Ожидая нападение неприятеля на Либаву, командование флотом за пять дней до него отозвало выше-названные суда из порта. Постановка довольно большого числа неприятельских мин в районе Либавы и довольно солидная закупорка всех входов в Либавский военный порт, доказывает, что неприятель не придавал в тот период времени значения Либаве, как десантному пункту и что все его операции против Либавы имели лишь целью не допустить наш флот пользоваться Либавой, как базой для малых судов. Другой порт Курляндского побережья Виндава был загражден нами с моря; при входе в реку затоплены суда. Вследствие этого в Виндавский порт входить нельзя было. Мины заграждения были поставлены также и при входе в аванпорт. После бомбардировки Либавы операции противника не распространялись более на Курляндское побережье; в течение последних двух месяцев 1914 г. посты службы связи Балтийского моря, находящиеся на этом побережье от Домеснеса до Полангена, ни разу не видели неприятельских судов. Все операции германских судов протекали в северной части Балтийского моря, в районе островов Даго, Готланда и Або-Оландских шхер».